

В полночный мир открой свое окно, где тишина и серые громады, где бездна чувств, словесные тирады видают в фантастическом кино.

На белом свете так заведено то горе, то любовные рулады. Нам потому житейские преграды, как теплое зеленое вино.

Таков наш человеческий удел: от суеты, забот, домашних дел сгибаются в усталости колени. Но отдохнет родимая душа, рука окно откроет, не спеша, и ты увидишь: свет луны и тени.

И ты увидишь: свет луны и тени, таинственно припавшие к земле. И омут звезд в необъяснимой мгле извечный штрих любовных умилений.

Придет пора раздумий и сомнений о вечности, беспечности и зле.. И, может, лишь будильник на столе судьею будет грустных размышлений.

И мысли полетят в былую даль, где было все - и горе, и печаль, и мало было радостных мгновений. Но все прошло. А что же впереди?. Повеет холодком в твоей груди и оживет плоть странных тяготений.

И оживет плоть странных тяготений, что отзовется трепетом в крови. Захочется неведомой любви среди обычных женских откровений

Но сгинули в потоке удобрений сподвижники любимых - соловьи. И чувства благородные свои мы прячем среди каменных строений.

Нас много лет открыто унижали, в далекий путь насильно провожали и память вышибали заодно. Мы жизнь в лесах прошли на испытанье. Вот почему, наверное, слиянье твоей души и вечного - темно.

Твоей души и вечного - темно, живет родство от самого рожденья. Как доброте и силе убежденья быть рядом всюду в жизни суждено.

В подлунном мире все отражено: любовь и гнев, деленье - умноженье. Печаль и смех, победа – пораженье, ковер дворцов и серое рядно...

Борьба миров. И вечное сраженье... Сегодня нам доносит отраженье событья дней, далекого давно. Оно живет, витает между нами и в небе растворяется мечтами. В такой вот час иного не дано.

В такой вот час иного не дано, как лишь на гранях трезвого старанья понять свою безвыходность прощанья... И сердце канет камушком на дно.

И жизнь предстанет грустно и чудно; как та пора осеннего дыханья, когда плывут туманы — дни страданья и дни любви, как светлое пятно.

И сколько б не пришлось еще стареть, до самой смерти, видно, не стереть судьбы своей таинственных сплетений...

Когда гнетет уютное житье, наверное, спасение твое как только быть в плену чужих видений...

Свет и мрак

Венок сонетов

Как только быть в плену чужих видений для многих на земле единый путь кто проживает век свой «как-нибудь» в сиянье света, мнимых достижений.

А человек в огне ночных смятений, когда себя вовек не обмануть, сумеет даже мрак перешагнуть и свет зажечь для новых поколений.

Но жизнь его - один единый крик, и вздох, что улетает в смертный миг к владычице космических владений. Да, жизнь у человечества одна. А нить спасенья так и не видна ты вновь поймешь, как раб земной и гений.

Ты вновь поймешь, как раб земной и гений, в объятиях возвратной той поры, что не найти далекие миры в просторах галактических делений.

Не одолеть желаний и хотений пусть даже среди умственной игры... И кружатся проспекты и дворы под силой полнолуний и затмений.

И пусть года летят и канут в вечность да разве нам откроют бесконечность, где всей Вселенной тайное зерно

Век звезд и наш – условно объяснимы... Горит в душе огонь неугасимый. Что свет и мрак? Единое одно!

Что свет и мрак? Единое одно! Молчат во имя правды обелиски, где люди скорбно кланяются низко за то, что нам пожить разрешено.

Но где-то есть природное звено, в котором заготовленные списки (как дьявола надуманные иски...) коль все живое к смерти сведено.

Зачем она безжалостно жестока?. Как видно, знает: далеко-далеко, когда сгорит последняя звезда.. За что же? За любовь, за прегрешенья карает нас небесное решенье? Едино все - улыбка и беда

Едино все - улыбка и беда, когда богаты верными друзьями... Тогда не надо уверять слезами, понятно будет просто слово «да.»

Но почему рождается вражда людей простых, как будто меж князьями? Сначала поделились бы гвоздями на крышку гроба... Нет же - никогда

Коль так они решили жить на свете, то - право их. Но есть еще и дети, чья жизнь, как родниковая вода. Пусть слушают под каблуками льдинки и песни, что пропели провода.

И песни, что пропели провода, наверно, нам понять совсем несложно. Мы столько лет влачили жизнь безбожно, что все грехи замолим ли когда?

Не потому ли скудная еда?.. Но почему другим сегодня можно с грехами жить (и многое возможно), не ощущая горя и стыда?

У них другой на свете Боже есть, что позволяет сладко пить и есть под нежной синевою небосвода. Быть может, потому по вечерам печаль и грусть приходят в гости к нам в разгуле опостылевшей погоды.

В разгуле опостылевшей поголы жизнь кажется далекой и чужой,

Николай КРЫЛОВ

где словно фантастической межой идут сквозь память золотые годы

Где сотни лиц - красавцы и уроды, свобода и мечты - о, Боже мой!. Все покусал мой пес сторожевой, как атрибут заокеанской моды.

А что же мне от всех надежд осталось?.. Мои две дочки - разве это малость? Вот эта ночь и яркая луна.. И пусть в душе тревожно и морозно, нам осознать свое вовек не поздно громады гор едины и весна.

Громады гор едины и весна, дарующие людям наслажденья. Пусть даже снеговые наводненья не помутнеет чувств к ним глубина.

Она любви и счастью отдана, хрустально-нежным бликам вдохновенья. Но чистоте спокойного теченья не передать всего коварства дна..

Так и бегут года, текут, как воды. Живут, растут, меняются народы, а, значит, с ними вся моя страна. Где то шумят, то горько восклицают, и весь свой век печально созерцают: сиянье звезд и бесконечность сна...

Сиянье звезд и бесконечность сна невидимые взгляду параллели. Они для нас, увы, не птичьи трели, а бесконечной бездны тишина.

Для нашего познания - стена, уж как бы мы пробиться не хотели, нас ожидают райские постели, а, может быть, иная сторона...

И как мы ни храбримся, а в сердцах идет по жизни с нами тихий страх правдивой и безжалостной породы. Он год за годом ближе и смелей, он – смерти дух, и нет его сильней. А ты - всего лишь капелька природы

А ты — всего лишь капелька природы, разумного и доброго творец. Не сотвори желаниям дворец,

Ей свет и мрак – простые антиподы, и счастье жизни - сказочный ларец. в который бьется боль чужих сердец,

живут печаль, разлука и невзгоды..

а дай родной душе виток свободы

И каждый раз, как ночь на землю сходит, а над землей луна свой путь проходит, то этим светом все поражено.

Душа насилье мраком не выносит и умоляет, требует и просит: в полночный мир открой свое окно!..

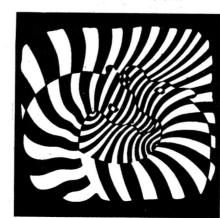
В полночный мир открой свое окно, и ты увидишь свет луны и тени. И оживет плоть странных тяготений твоей души и вечного - темно.

В такой вот час иного не дано, как только быть в плену чужих видений... Ты вновь поймешь, как раб земной

Едино все — улыбка и беда, и песни, что пропели провода в разгуле опостылевшей погоды

что свет и мрак? Единое одно!

Громады гор едины и весна. сиянье звезд и бесконечность сна А ты — всего лишь капелька природы

Наташе Фокиной 17 лет, она заканчивает гуманитарный лицей. Литературой увлекается довольно давно и серьезно. С начала учебного года посещает занятия на открытом факультете лицея по курсу «Литературное творчество. Проза».

Вне всяких сомнений, Наташа обладает незаурядным творческим потенциалом. Проза ее выразительна и поэтична. Что особенно важно, потому как литература в истинном смысле - это только поэзия. Любая проза занимает место в литературе только благодаря содержащейся в ней поэзии.

Наташа работает в нетрадиционном для нашей литературы ключе. Ее проза представляет собою, скорее всего, авангард. Уже известный и достаточно разработанный ныне стиль «потока сознания». Поэтому относиться к ней следует совершенно конкретным образом. Такого рода произведения обращены скоре не к разуму, а к интеллекту читателя. И восприятие их, разумеется, по силам не каждому. Здесь требуется, в известной мере, духовная организация и сформированный вкус.

Олег ХАНДУСЬ, прозаик, член Союза писателей России.

Наташа ФОКИНА

Асфальтовый

Холодный воздух. Шумные компании. Громкий смех. Новый год, праздник... А Асфальтовый Бог спит, на нем тяжким грехом лежат пласты истоптанного снега. Асфальтовый Бог спит, и все, что там, над снегом, - его сны, много всяких разных черно-белых зимних снов. И снится ему все - и зима, и лето, и люди, и мысли, и дела их, и окна домов золотистые.

Бог ведь он

Спит Бог, спит, а над ним люди ходят, разговаривают:

- Все в этом мире продается, все покупается,
- говорит кто-то. - Все-все?
- A как же!
- И даже любовь?
- И любовь
- Неправда! Это неправда, неправда! сжались в кулачки тонкие замерзшие пальцы.
- Ну почему же, моя маленькая?
- Потому что мне не нужна любовь, которая продается, которую на каждом углу купить

Спит Бог, спит. Снятся ему его, боговы сны. Окна горят, снег скрипит под сапогами. Ходят люди. В шубах, в шапках, с автоматами.

В телефонной будке человек стоит, говорит что-то. Трубку повесил, лезвие из кармана до-

Спит Бог, спит. Лето ему снится, трава зеленая, пикник на обочине, все люди веселые, радуются, водку пьют, и Бог Асфальтовый с ними вместе, он всегда там, где люди. А тут вдруг вертолет прилетел, лето, стало быть, кончилось.

Спит Бог, спит, и жизнь ему снится веселая, радостная. Дети в школу бегут, листья с деревьев падают. Идет по нему, по Богу Асфальтовому, мадам Напыльник. Хипей разгонять идет. Одна идет, не боится. У них, у хипей, пацифики чугунные давно уж менты отобрали. А солнце светит, птицы поют, кружат над мадам Напыльник, в стаи собираются, каркают,

Спит Бог Асфальтовый, и снится ему, как солнце всходит, день новый настает. Человек бежит в костюме тренировочном. Легко ему бежать по снежку, спортсмен, чать. Собаки за ним бегут, хорошо по морозцу бежится. Все бегут, до чего же хорошо!

Ворочается во сне Бог Асфальтовый, нехорошо ему как-то. Вон демонстрация идет - прям как наяву видит Бог. Хлеба люди просят, транспаранты у них большие, шарики разноцветные, глаза голодные, лица веселые, радостные.

Спит Бог, снится девушка ему. С балкона вниз смотрит, Бога зовет. Не его, Асфальтового, другого, своего, Балконного, может,

И никому-то он, Бог Асфальтовый, не нужен. Никто про него не знает. А ведь все по нему ходят, все на нем лежать будут.

Спит Бог, спит. И сны ему снятся все какие-то тревожные, нехорошие. Лед грудь давит, пластом тяжким лег. И что ж мы снег белый, пушистый втоптали так... Трудно быть Богом Асфальтовым, тяжело под снегом спать, никому не нужному: Всю душу растоптали сапогами, колесами автомобильными раскурочили. Спит Бог, спит, и сны ему снятся всякие, про людей, что над ним ходят, про зиму, про лето...

Спит он, крепко спит, только лед с каждым

днем все сильней давит.